

Татьяна Форш

ВЫЙТИ ЗАМУЖ ЗА ФЕНИКСА

Цикл «Аланар»

**ИЗМЕНЕННОЕ ПРОРОЧЕСТВО
ВОЗВРАЩЕНИЕ В АЛАНАР
ПРЕДСКАЗАННЫЙ ВРАГ
СЕРДЦЕ СВЕТОЧА**

Цикл «Красный мир»

**БРИЛЛИАНТОВАЯ КОРОЛЕВА
ИГРА ЛУЧЕЗАРНОГО
КОРОНА ВСЕВЛАСТИЯ**

Цикл «Дарн»

**СУМАСШЕДШИЙ ОТПУСК
КОСМИЧЕСКИЙ ОТПУСК**

Татьяна Форш

Выйти замуж за Феникса

Роман

Москва, 2013
ЕАРМАЛА
&
«Издательство АЛФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
Ф79

Художник
О. Бабкин

Форш Т. А.
Ф79 Выйти замуж за Феникса: Фантастический роман.—
М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013. — 375 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-1514-4

Инструкция по выживанию для принцесс:

— если тебя выдали замуж за огненного колдуна — не беда! Вызнай, зачем ему это было надо, убеди в сумасшествии и попроси отпустить тебя добровольно. Ну а если не получится — постарайся сбежать! В конце концов от этого зависит твоя жизнь...

— если по дороге тебе попадется красивый наемник, не отказывайся от его услуг. От говорящего коня тоже нос не вороти, кто еще тебе поможет не свихнуться в той дороге? Ну а Змей Подгорный так вообще подарок небес!

А если совсем туго придется — не расстраивайся! И главное, не бойся! Да и сама посуды: чего тебе бояться? Ты и так попала дальше некуда: ведь ты вышла ЗАМУЖ ЗА ФЕНИКСА!

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-1514-4

© Форш Т. А., 2013
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2013

ГЛАВА 1

— Меня — замуж?! Ну знаешь ли! Я не твоя собственность, чтобы скрещивать меня с кем попало! — От переполнявшей меня злости я топнула ногой.

На папочку это, конечно, не произвело никакого впечатления. Он сидел, прихлебывая из блюдечка душистый чай так, словно ничего не происходило, но на всякий случай поглядывал на меня из-под седых косматых бровей. Вроде как — я прав, но мало ли что может учудить эта взбалмошная девчонка!

Как на грех в это время мимо меня, с трепыхающейся птицей в зубах, крался дворцовый кот Пуля. От неожиданности он замер, попятился, а воробушек, почуяв свой последний шанс, изо всех сил забился в его пасти и, неведомо как оказавшись на свободе, бросился спасать жизнь. Кот обиженно покосился на мою золоченую туфлю, выгнулся и, шипя как голодный василиск, рванул за удирающим прыжками помятым воробьем.

— Па-па! Что ты молчишь?!

— Вася! Я тебя умоляю! — Папаня шумно отхлебнул для решимости чая и невозмутимо продолжил: — Ты — именно моя собственность! Ты — моя дочь! И обязана выполнять мои приказы! Желательно молча! Если я сказал, что в воскресенье твоя свадьба, разлюбезная ты моя, то так тому и быть! И единственное, что тебя должно волновать, — фасон платья, в котором ты пойдешь к алтарю.

Я пренебрежительно фыркнула, давая понять, что его аргумент меня не впечатлил, на что дородная служанка Фроша, тенью стоявшая позади отца, только перекрестилась и бесшумно ретировалась с поля военных действий, а спасенный воробей приземлился рядом с опустевшим блюдечком и, на-

гадив в него, с победным чириканьем выпорхнул в открытое окно.

— Так... твою ж... разэтак... — Папочка брезгливо покряхтел, разглядывая привет от нахальной птицы, затем пулынул блюдец вслед за воробьем и угрожающе поднялся. — Василиса! Как бы ты ни хотела со мной поспорить, уверяю тебя, это не тот момент! Ты. Выходишь. Замуж. За Феникса! И точка!

— Ни за что! — Я ничуть не испугалась отцовского рыка, подбоченилась и, не сводя с него взгляда (надеюсь, достаточно гневного, чтобы объяснить ему, что так просто я не сдамся!), принялась наступать на венценосного родителя. — Я его даже никогда не видела! Что это за гусь?

— Не гусь, а Феникс! — Папа сделал шаг назад.

— Да все равно! Ты никогда ничего не говорил ни о каком фениксе, и вдруг вчера, вернувшись с охоты, сообщаем мне радостную новость?! Откуда взялась эта птичка?

— Он не птичка! Он... — Папа замялся и неуверенно выдал: — Он мой хороший друг! — Затем, видимо вспомнив, что он все-таки король, выпалил: — Иди к себе в покои, неблагодарная девчонка! Была бы жива королева, она бы вырастила тебя послушной принцессой, а не... Все! Уйди с глаз моих долой! Общайся с портнихой, выбирай украшения — завтра твоя свадьба! Точка!

Я развернулась и, сопя как дракон, вылетела из обеденного зала. Ну ладно! Не хочешь по-хорошему — будет по-плохому!

Торопливо пересчитав привычные десять ступеней лестницы, я ворвалась на третий этаж. Увешанные выцветшими гобеленами стены спального этажа отчего-то показались мне сегодня на редкость мрачными и чужими. Ковровые дорожки, лежавшие между выстроившихся солдатами массивных лакированных дверей, особенно бросались в глаза своей древностью. Я впервые за столько лет заметила проплешины изъеденных молью узоров. Увидела затянутые пылью и редкими паутинами стекла окон, сквозь которые лилось яркое весеннее солнце. Еще неделя, и наступит лето! Но... эта жаркая сказка будет не для меня. Скоро я покину дворец...

Тоска сжала сердце. За что? Почему это происходит со мной? Зачем я должна покинуть дом, в котором выросла?!

Я направилась по коридору к моей опочивальне, касаясь

рукой резных узоров массивных дверей. Сколько себя помнила, эти двери почти всегда были закрыты, а я мечтала, что когда-нибудь их распахнут новые жильцы... Вот только этой мечте никогда уже не осуществиться! Теперь и мою комнату запрут на ключ...

Наконец я остановилась у моей спальни, взялась за медную ручку и медленно ее повернула. Замок щелкнул, открываясь. Замешкавшись на пороге, я шагнула в покои и замерла, с растерянностью и грустью разглядывая привычные с детства вещи: пушистый ковер, кровать, кресло, стол и распахнутые ставни окна, за которыми птицы на все голоса свистели, щелкали, чирикали и стрекотали гимн наступающему лету.

Вдруг в душе шевельнулась злость. Неужели я так легко сдамся и откажусь от привычной жизни? Уеду в чужое царство? Я ведь даже не знаю, откуда нарисовался этот... Феникс.

Я стиснула кулаки и села на кровать.

Нет уж! Без боя — не сдамся!

И тут в мой мысленный спор с самой собой вступила тревога.

А может, лучше добиться результата не боем, а хитростью? Без крика выпросить у бабушки, что это за Феникс такой, а уж опосля решать.

Ведь как ни крути, а что-то тут нечисто. Я впервые вижу папочку таким... решительно настроенным. Почти всегда он шел у меня на поводу. Я его единственная наследница и фактически единственный родной человек! Мама умерла так давно, что я ее совсем не помнила. Правда, у нас с отцом есть еще Мафания — сестра мамы, но видимся мы не часто. Отец не любит говорить о ней. К слову, тетя всегда была немного странной: жила за городом и пользовалась довольно плохой репутацией. Проще говоря, тетя Мафа — ведьма и, когда речь заходит о деньгах, не гнушается любого колдовства.

И тут меня осенило!

Точно! Я должна с ней увидеться! Просто обязана! Вдруг она научит, как переубедить моего жениха на мне жениться? Или даст мне какие-нибудь капли? Да хоть пургена! Если просидит этот Феникс всю свадьбу на толчке — я ни при чем! Отсутствие жениха заменяет фактическое «нет»!

Я решительно поднялась, вышла из светелки и, оглядев пустынный коридор, бросилась бежать к лестнице. Только бы не встретить отца, не то вернет и закроет в комнате дожи-

даться портнику и шить платье. И это в мой последний свободный денечек! Да плевать, что завтра свадьба! Лично я ее не хочу!

Завтра свадьба...

Сердце вновь тревожно екнуло.

Интересно, почему так быстро? Отчего отец готов выдать меня, свою единственную дочь, замуж — вот так! Без торжеств и гуляний на неделю, без званых балов и знакомств с будущими родственниками, как того требовал обычай? Ведь наверняка у этого Феникса есть родители, друзья или пусть какая-никакая, хоть седьмая вода на киселе — родня.

Кому нужна эта спешка? Моему будущему мужу или... отцу? Почему он стремится от меня избавиться?

Ох как мне все это не нравится!

Поглощенная мыслями, я даже не заметила, как пролетела по серпантину лестницы, что привела меня на первый этаж. Вот и колонны дворцового холла, где всегда, сколько я себя помнила, проходили балы и праздники. Сейчас здесь было тихо и мрачно. Солнце уже ушло на другую сторону дворца, и под высокими каменными сводами поселился привычный полумрак.

Из всей немногочисленной челяди папани меня здесь поджидали только два стражника, истуканами замершие по обеим сторонам двери. Я даже не обратила на них внимания, потому что с детства привыкла считать их статуями.

И снова обидой сдавило сердце.

Как он посмел согласиться отдать меня замуж за первого встречного?!

Выскользнув за неплотно прикрытые массивные двери, я со всех ног бросилась на задний двор.

Срубленная из толстых, потемневших от времени бревен огромная конюшня встретила меня теплом и терпким ароматом сена. В загонах шумно всхрапывали жеребцы — гордость отца. Скакунов он любил, как иногда мне казалось, даже больше, чем меня! И честно говоря, я очень опасалась, что застану здесь своего сумасбродного папашу, но, кроме конюха Парамона и его сына Степки, в конюшне никого не было.

— Вась? Чего пришла? — Степка был моим ровесником, но за последний год дюже вытянулся, став на целую голову выше меня. Симпатичный парнишка. Волосы, что поле льна, и глаза — синие, как горные озера. И почему я не замечала

этого раньше, воспринимая его никак иначе, кроме как товарища по играм? Возможно, все сложилось бы по-другому, если бы не бездна, разделяющая нас: я — принцесса, он — никто!

— Приготовь мне Борьку. — Я покусала губы, видя его враз насторожившиеся глаза, и заставила себя улыбнуться. — Все хорошо, Степ! Просто хочу прогуляться!

— Тебе составить компанию? — Он распахнул створки загона, где уже в нетерпении приветливо пофыркивал Борька — рыжий жеребец, подарок отца на мой пятнадцатый день рождения.

— Не нужно. Я до старой мельницы и обратно. — Я продолжала ему беспечно улыбаться, вот только, по моим ощущениям, улыбка уже превратилась в оскал.

Ну и пусть! Пусть думает что хочет! Только бы не увязался следом. Да, не скрою, иногда я позволяла ему сопровождать меня на конных прогулках, но... сейчас он мне не нужен! Тетя при нем ни за что не будет ворожить...

Степка все понял, обиженно поджал губы. Молча вывел жеребца, оседлал. Привычно подставив руку под мой сапожок, помог вскочить в седло, но напоследок спросил, не утерпел:

— Вась, а чего случилось-то?

— Случилось? Ты о чем? — Сегодня что, все можно прочитывать по моему лицу? С чего такой интерес? Можно подумать, я и раньше без него на прогулки не ездила.

Степка уже открыл рот, чтобы что-то мне поведать, но его опередил Парамон.

— Король... — дохромав до нас, хрипло начал тот, — ворвался совсем недавно, едва дождался, когда Степан оседлает Ветра, и умчался, только его и видели. — Конюх взглянул на Степку и приказал: — Иди ворота открывай.

Стараясь не показать удивления, я со знанием дела покивала.

— Ах да-а... Мы договорились покататься. Но, видно, ему не терпелось, вот он и уехал один...

Интересно, куда это батеньку понесло?

Я чуть тронула поводья, показывая, что разговор закончен. Борька нехотя направился к воротам, которые уже спешно открывал Степан.

Выехав со двора, я с какой-то злой радостью хлестнула же-

ребца, заставляя того очнуться от сытой лени и во весь опор рвануть по пыльной дороге, вьющейся мимо богатых особняков и бедняцких лачуг, ромашковых полей и выстроившихся ровными рядами грядок с зеленеющими всходами. Мое любимое крошечное королевство! Такое крошечное, что все его можно объехать за день. Когда-то королевство называлось Ромашковое, но за время правления короля Еремея (а по совместительству моего отца) королевство стали называть — Еремеево, позабыв историческое название. Но... моим подданным здесь нравилось жить — а не это ли главный показатель мудрости правителя, способного поддерживать в своем государстве беззаботную жизнь? Хотя отец не так давно на собрании советников что-то говорил о повышении налогов, но... эти тонкости политики меня уже не касаются! Зачем забивать голову политикой, если родной папочка мечтает сплавить меня куда подальше?! Впрочем, может, вся эта королевствология пригодится мне во владениях будущего мужа?

А ведь я даже не знаю, кто мой жених. Принц или королевич? А может, князь? Я даже не знаю, есть ли у моего жениха королевство... Или царство? Или вообще хоть что-нибудь!

От таких мыслей я только покрепче намотала поводья и, пришпорив жеребца, прижалась к Борькиной шее, спасаясь от бьющего в лицо ветра. Я не заметила, как закончился город Славный, столица нашего королевства. Вслед мне голосили куры и хором брехали собаки, вместе с хозяевами осуждая бесшабашность королевской дочки, но мне было все равно. Мы с Борькой вырвались из сонного плена и теперь задыхались от напоенного цветочным ароматом весеннего ветра, играющего с нами в догонялки. И все это раздолье, эту вольную жизнь я должна бросить в угоду папочке? В угоду какому-то незнакомцу?!

В груди снова заворочалась злость. Я буду не я, если не испорчу завтра свадьбу и не отобью у женишка желание жениться!

И не только на мне!

Хижину тетушки я увидела издалека. Впрочем, вру! Сама хижина пряталась под раскидистой ивой и для посторонних глаз была совершенно неприметна, но вот иву невозможно было не заметить. И не только потому, что одинокое дерево шатром раскинулось у небольшого озерца. Дело в том, что те-

тушка Мафания подрабатывала ведьмой и для привлечения доверчивых горожан и путешественников, забредших в наше государство, украсила бедное дерево так, что издалека оно напоминало цирковой шатер — ярко, заманчиво и бросается в глаза, — мимо не проедешь.

Остановившись неподалеку от ивы, я спешила. Мафа очень не любила, когда клиенты подъезжали прямо к дому, и ругалась на это страшно и нецензурно. А все из-за чахлого садика с подозрительными травками, которые она нежно любила, трепетно выращивала и бережно добавляла в свои колдовские зелья и курительные смеси.

— Борька, дружок, побудешь тут? — Я ласково погладила жеребца по ярко-рыжей шерстке и совсем другим тоном командовала: — Лежать! И чтоб ни звука мне!

Коняга обиженно покосился на меня черным глазом, вздохнул и послушно лег. Выдрессировала я его хорошо! Лежать, рысцой, лапу — это он легко выполняет. Вот только по команде «умри» эта скотина начинает по-пластунски ползти, причем задом наперед.

Я усмехнулась. Ладно, молодой еще, зеленый. Научится!

Сделав несколько шагов, я обернулась, чтобы еще раз бросить взгляд на Борьку, почти незаметного на фоне пожелтевших камышей, и уже успокоенно направилась к хижине. Но едва я обошла озеро и, нырнув под ветки ивы, вышла к дому, как открывшаяся картина заставила меня замереть и покрыться холодным потом. У покосившейся от времени, приоткрытой двери мирно пасся привязанный к толстой перекладине забора, огораживающего тетины посадки, черный жеребец отца.

Ветер?

Неужели отец приехал к Мафе? Сам? Добровольно?!

Ох как мне все это не нравится!!!

Я сглотнула и, стараясь не шуметь, юркнула за дом. В хижине тети одна комната и одно окно, которое почти всегда открыто, а значит, есть все шансы узнать много интересного!

Влипнув в стену, я прокралась к распахнутым ставням и замерла, прислушиваясь.

Папаня всю мою сознательную жизнь официально недолюбливал мамину сестру и никогда не приглашал ее в гости!

Что же такое могло случиться, что он, бросив все, примчался сюда?

Ответы на все мои вопросы не заставили себя долго ждать.

Голос отца — раскатистый бас — я узнала, едва он заговорил.

— Эх, Мафуша! Да кабы знать! Столько же лет прошло! Отдавай, говорит, мне его! Нужно оно мне до зарезу! — Послышался всхлип. — Эх, Мафанюшка!..

Всхлип?!

Я еще сильнее вжалась в стену, стараясь не пропустить ни слова.

— Эх, Ерема, а я предупреждала, что так все закончится! — Мафа, казалось, тоже была расстроена. — Что ж получается — сам повеселился, а Ваське теперь за тебя отдуваться?

— Да как ты могла подумать! — Голос отца загремел с новой силой. — Да неужто бы я не отдал, если бы оно у меня было?! Говорю ж! Я и думать забыл про Феникса и благодарность его! А когда вчера на охоте-то встретил — тут-то мне и поплохело...

— Поплохело ему, вишь ли! Сопли пузырями не пускай, дурень старый! Лучше вспоминай, куда эту чертову вещицу дел?

Снова послышался вздох отца.

— Отдал... Когда Ксана заболела. Ваське тогда от роду даже года не было. Приехал один лекарь... пошаманил, неделю от жены не отходил, и та поправляться начала. Да чего там! Такой веселой со дня нашей свадьбы ее не видел! Вот я и обрадовался! Думаю — вылечил! Говорю — как благодарить тебя, врач заморский? А он мне — колечко хочу, что на цепке золотой за треном висит. Я ему и то и это! Говорю — на кой тебе сдалась эта медяха? А он уперся! Говорит, ладно, уеду без него, а лечебное снадобье как делать, не скажу — вернется болезнь к королеве. Ну я и подумал...

— Что ты подумал? Раз у тебя все есть — можно и отдать? А подумать, что я это снадобье знать могу, не удосужился?

— Ну...

— Му! Эх, телок ты безмозглый! Как был вором-наемником, так и остался! Даром что Феникс тебя королевством наградил! Титул — его заслужить надобно!

— Да он мне только кольцо подарил, а корону я сам пожелал! Молодой был. Надоело вором быть, вот и думаю — чего

мелочиться? Полюбить — так королеву, украсть — так миллион! — Голос отца сорвался.

— Ладно...

Деловито забренчали чашки. Скрипнул стул.

— ...Дело ясное, что дело темное. Колечко уже не сыскать... и с Фениксом не договориться... Он если чего потребовал — все! Вот только думаю... чего он у тебя королевство-то не попросил взамен? Васька ж дитя малое, кошка шальная! Чего он жениться-то на ней удумал?

Послышались тяжелые шаги.

— Так че-че! — В голосе отца зазвучали нотки злости. — Видно, решил, что женится, а после без волнений и трон возьмет, когда я дуба врежу!

— Так-то оно так... А с другой стороны: на кой ему такое махонькое королевство? Он же себе весь мир пожелать сможет с таким колечком-то!

— Знаешь, когда я вором был, мне и такое махонькое — целым миром казалось!

— Н-да-а-а... Влип ты, король Еремей! Надо было то колечко пуще глаза беречь, а ты его бродяге отдал! Как хоть звали-то? Не помнишь?

— От ты ж дура баба! — Рев отца даже заставил меня зажмуриться. — Совсем из ума выжила? Ты ж сама мне его сосватала, когда он у тебя проездом был! Не то Цитрамон, не то Цитрон... Или, может, это ты ему колечко то заказала? Помню, что ты говорила, когда Васька родилась! И когда я к сестренке твоей сватов заслал — тоже помню!

— Че, сдурел, старый?! — Тетя Мафания решила не отставать и тоже добавила в голос ультразвук. — Это ж надо было придумать! Если бы я то колечко заказала, так с чего бы мне все эти годы в глуши гнить? Из-за любви к природе?! Ладно. Подумаю, что с бедой нашей делать, и, если чего придумаю, завтра к свадьбе сообщу.

Скрипнул стул, послышались шаги, и голос отца глухо спросил:

— А если не придумаешь?

— Значит, будет у Васьки муж!

— Так он же страшный, как моя жизнь! — В голосе отца послышалось неприкрытое страдание.

— Как по мне — так просто прелесть! Впрочем, мне и Яков Леший нравился, пока ты его не депортировал в заповедник

Лукоморья. А Феникс... он герой! Ты хоть знаешь, что ради знаний и силы он прошел врата Пекельного царства и вернулся? Не чета тебе, Ерема, мужик... Правда, не знаю, добился ли он того, чего хотел, но... Результат на лице, как ты видишь. Приходил он ко мне как-то года три назад, и таким от него жаром дохнуло...

— А чего приходил-то? — Теперь голос отца прозвучал совсем близко.

Я вжалась в стену. Приветливо зафыркал Ветер.

— Узнал чего надо и пошел дальше! Мы вроде как с ним давние знакомые. Все! Теперь возвращайся во дворец! Ко мне клиент подъехать должен.

Послышалось какое-то невнятное бормотание, ржание и удаляющийся цокот копыт.

Я облегченно вздохнула. Молодец Борька! Не выдал!

— И давно ты тут уши греешь? — Раздавшийся над ухом голос заставил меня подпрыгнуть. Из окна мне улыбалась тетя Мафа, еще довольно красивая, кудрявая, дородная женщина. Подмигнув, она приглашающе махнула рукой, будто невзначай откинув смоляной тяжелый локон, выбившийся на высокий белый лоб. Зеленые глаза хитро блеснули. — Давай заходи, племяшка. Обсудим!

Я не стала обходить дом, чтобы войти через дверь. Просто дождалась, когда тетина голова скроется в полумраке комнаты, подпрыгнула и, перекинув ногу, забралась в распахнутое окно.

— Мафа, у меня...

— Знаю! — отмахнулась она и снова поправила туго связанные в высокую прическу волосы. — Свадьба с Фениксом. Вот твой папаня-то учуди-и-ил! Было бы колечко, так не позарился бы этот колдун на тебя, недоросль!

— В смысле? — Не отводя от тети глаз, я плюхнулась в деревянное кресло, стоявшее у окна.

Мафа сосредоточенно пожевала ярко покрашенными губами, притянула табурет и устроилась напротив меня за круглым столом, уставленным всякой магической атрибутикой.

— Давай посмотрим, вдруг нам чего духи подскажут по этому вопросу?

— Только сначала расскажи все от начала до конца! — Я позрела в кресле. — Кто такой Феникс, почему папа согласился

на нашу свадьбу и как он мог быть вором? В смысле папа, а не Феникс. Это что, такой досуг у королей?

— А для чего, стесняюсь спросить, ты под окном уши гре-ла? — Она прищурила подведенные шамаханской сурьмой вдруг потемневшие глаза. — Чтобы я тебе все снова расска-зала?

— Да я... почти ничего не поняла! — Я виновато шмыгнула носом и, сделав бровки домиком, протянула: — Ну по-жа-а-а-луйста!

— Ладно-ладно, не ной! Расскажу я тебе страшный сек-рет твоего папани. — Тетка деловито придвинула к себе ка-кую-то высохшую птичью лапку и принялась ею обмахивать большой стеклянный шар. — Значит, так. Когда-то давно твой отец на ярмарках и городских базарах подрабатывал вором. И вот однажды возвращался он на вечерней зорьке в свою деревню, смотрит — а впереди на дороге четверо здоро-вяков какого-то бедолагу мутузят. Может, Еремей бы и не вступился за бродягу, кабы можно было их обойти. Да там с одной стороны болото к дорожке подходило, а с другой — ов-раг глубокий. По крайней мере, это твой папаня мне так на-брехал. — Тетушка усмехнулась и снова принялась рассказы-вать, рассеянно взглядываясь в белесую пустоту магического шара: — Так вот. Вступился Еремей за бедолагу, хотел начи-стить рожу супостатам, а они возьми да и обратись нечистью. Ну Ерема не из робкого десятка, как ты знаешь. Начал им мо-литву Воскресения читать. Те взяли да и подевались куда-то, только жертва обстоятельств на дороге лежит, не шевелится. Ну батя твой подошел ближе, и тут человек возьми да и от-крой глаза. А они — что твоя серебряная монетка! Перепугал-ся Еремей, уже сбежать хотел, да тут спасенный Фениксом назвался и протянул ему колечко. А прежде чем исчезнуть, посоветовал желание самое заветное загадать. Ну папаня твой и загадал, не будь дурень, чтобы в него влюбилась принцесса из ближайшего царства-государства. А какая — не сказал... чтоб его! — Тетка печально вздохнула. — И в него влюбилась моя милая старшая сестренка.

Меня озарила внезапная догадка.

— Вы обе влюбились в него?

— Угадала. — Тетя поджала губы и обиженно процеди-ла: — Но этот кобель выбрал твою мать. Возможно, потому что она была первой претенденткой на трон. А потом для него

все удачно сложилось. Наш отец, король Федор, умер, и корону приняла моя сестра. Так твой отец и стал правителем Ромашкового королевства и переименовал его в королевство Еремеево...

— Замечательно! — Я побарабанила пальцами по подлокотнику кресла. — Ладно. С этим фактом биографии моего папочки разобрались. А чего этому Фениксу от меня-то надо?

— Понимаешь, он вчера на охоте к Еремею явился и ну давай колечко дареное требовать назад. Мол, от него теперь многое зависит. А Еремей только руками развел. Говорит — нету! Бери чего хочешь! Вот тут Феникс у него и попросил Тебя. За долг.

— Здорово! — Мотивы папеньки теперь понятны, но мне от этого не легче!

— Здорово-то здорово — у ворот Егоровых, а подальше от ворот все совсем наоборот! — передразнила Мафа, не вставая, дотянулась до полки, где ровным строем стояли шесть расписных глиняных чашек. Подцепила две и, подставив к пузатому самовару, по очереди принялась их наполнять зеленоватой, исходящей паром жидкостью. — Хочешь?

Передо мной появилась чашка с еще бурлящим варевом. Я с опаской приняухалась. А ничего... пахнет мятой и еще какой-то травой.

— Это что?

— Чай. Бодрит. — Она звонко помешала ложкой напиток и отхлебнула. — У тебя аллергии на мухоморы нету?

— Есть! — вздохнула я, с сожалением отодвигая чашку. Пока не знаю, хочу ли я свести счеты с жизнью или нет, а посему с чайком, настоящим на мухоморах, повременю. — Так что мне делать-то?

— А чего делать? — Громко прихлебнув чаек, она причмокнула и посоветовала: — Выходи замуж за Феникса! Пусть он не твой ровесник, зато богат. Колдун. А настоящих колдунов всегда уважали. Будешь как сыр в масле кататься.

— А сколько ему лет? — Я насторожилась и принялась бурлить Мафу взглядом судьи.

— Ну... — замялась она. — Постарше меня будет. Точно. Насколь — не знаю. Да только по нему и не скажешь!

— Нет, замуж я категорически не хочу! Тем более за старика!

— Да, может, и хорошо, что старик! — отмахнулась чертовка. — С супружеским долгом приставать не будет.

— А зачем тогда ему жениться? — Я пытливо прищурилась.

Тетя занервничала:

— Так... может, одиноко ему? Вот и будешь каши варить да сказки по ночам рассказывать. Как подружка моя Шакира Зада — дал же бог имечко... Вышла замуж за маньяка-убийцу с прогрессирующим склерозом и промывала ему мозги, пока тот не забыл, зачем на ней женился.

— Нет, тетя! Я не настолько сумасшедшая. И я здесь не для того, чтобы выслушивать жуткие истории о моем будущем. — Я встала с кресла и подошла к ней. — Ты же можешь мне помочь избежать этой свадьбы?

— Мм... — Мафа пожевала губу и вдруг решительно помотала головой. Черный локон снова выбился из высокой прически и пружиной запрыгал у виска. — Нет. Не получится. Но! — Заметив мои раздувающиеся от возмущения и отчаяния ноздри, тетя поспешно подняла вверх указательный палец. — Думаю, что Феникс затеял эту женитьбу, чтобы досадить твоему папаше. И значит, прости, дорогая, но ты сама ему до лампочки. Поэтому, думаю, тебе с ним можно договориться. Верни Фениксу злосчастное колечко, и пусть он подарит тебе развод.

— Но как я верну ему это колечко? — Я погрустнела. — Оно же исчезло в неизвестном направлении столько лет назад!

— Не совсем! — Тетя смущенно поколупала выбоину на чашке, залпом выпила настой и решила. — Знаю я того Цитрона-лекаря, что колечко стибрил. Дружком он мне был когда-то. Помогу тебе его найти. А чтобы не отвертелся — будем связь через интерактивное зеркальце держать. — Она протянула мне заляпанный зеркальный кругляшок. — Бери-бери! Пальчиком коснешься — меня увидишь, и тогда спрашивай, чего захочешь. Только тайком. Народ у нас дикий — магию любят, но боятся. А ежели ты... без рекомендаций — так и вовсе на костре сожгут и фамилию не спросят.

— Вот спасибо за подарок! — вздохнула я, зеркало взяла и тихо пробормотала: — Еще один способ уйти из жизни, когда совсем неумоготу будет!

Но тетя на слух не жаловалась.

— Успеешь! Ишь чего удумала! Жизни лишаться! Лучше кумекай, как тебе после свадьбы от Феникса сбежать? Колечко-то вырывать надо, да и жизнь твою погубленную тоже...

— За это не волнуйся! Сбегу! — Я решительно придвинула к себе стеклянный шар и попросила: — Ну-ка, покажи мне этого Феникса!

— Ха! Это ж Феникс! — хохотнула тетя и посерьезнела. — Если не захочет — никто его не увидит, особенно через мой дешевый шар.

— А ты попробуй! — не отставала я, и Мафания сдалась.

— Ладно. Попробую. — Она возложила руки на стекляшку и, закатив глаза, могильным голосом завывала: — Феникс!!! Приди! Покажись! Появись! У-у-у-у-у-у-у-у-у-у!

— Теть, а можно без твоих спецэффектов?

— А? — Мафа недоуменно посмотрела на меня, поморгала и звонко расхохоталась. — Вот ты черт! Уже по-другому и не могу! Все на публику стараюсь... Что значит профессионализм! Ладно... а если так?

Но поэкспериментировать ей не удалось. Стекло шара вдруг замутилось, и в его таинственной глубине я увидела крошечного, одетого в черный балахон мужчину. Он сосредоточенно расхаживал по каменным плитам мрачного, освещенного факелами зала. До меня донеслось бормотание:

— Три... Кольцо Юпитера в шестом доме Луны. О отец! Помогите! Дайте свершиться моей мечте! Ты же знаешь, как долго я этого жду!

— Тетя, а приблизить его можно? — не выдержала я. — Лицо бы разглядеть!

Мафа сделала страшные глаза, выразительно показала мне кулак и приложила к губам палец. Картинка с крошечным мужчиной начала стремительно увеличиваться. Я с жадностью вгляделась в растущую с каждым мгновением фигуру. И тут мужчина перестал мерить шагами зал, настороженно замер и стремительно обернулся.

Я застыла.

Охнув, тетя торопливо накинула на шар край скатерти и несколько раз перекрестилась.

— Ох ты господи! Да что же это... Да кто же... Да как же...

Я перевела на тетю полный ужаса взгляд и просипела:

— Ни за что за него не выйду! — Теперь это искалеченное шрамами и огнем лицо с ртутными, невероятно серебристы-

ми глазами будет преследовать меня в кошмарах! — Он же... он...

— Знаю, девонька...

— И лысый!!!

— Ох бедняжечка...

— Я сбегу-сбегу-сбегу-у-у-у!!!

— И сама бы помогла тебе сбежать... но... — Тетка поднялась, жалостливо прижала меня к своей пышной груди и пробормотала: — Убьет он тогда отца-то твоего... Сожжет!

— А что мне делать? — Я отстранилась.

Тетя нахмурилась и, перестав изображать мировую скорбь, деловито заговорила:

— Я думаю — вот что! Пусть завтра ваша свадьба произойдет. Ею ты отца убережешь. А после бежать тебе надо. Добираться в город под названием Болотная Гать, что в царстве Берендея. Ты не гляди, что название пакостное. Это такой наукоград в ихнем царстве. Там живут и работают знахари и целители всех мастей и категорий. Ты, главное, зеркальце при себе держи, чтобы потом этому ворюге Цитрону очную ставку со мной устроить. И вот еще. — Она протянула мне брошку — серебряную веточку с зелеными камушками.

— Зачем? — Я взяла украшение.

Тяжелое!

— Это принадлежало твоей... матери. Она просила отдать тебе украшение, когда ты вырастешь и замуж пойдешь. Надень, когда тяжело будет... — Тетя смахнула невидимую слезу и заторопила, выталкивая меня из комнаты: — Ну все, иди! А то с собаками искать начнут! Папке обо мне и о том, что услышала, — ни слова. Изображай покорность и вселенское горе. Пусть у этого ирода сердце кровью обливается, чтобы в следующий раз головой думал!

Я вышла из дома Мафы, пропахшего травами и пылью, положила украшение в карман к зеркальцу и вдохнула пропитанный озерной прохладой воздух.

Дело ясное, что дело трудное! Сбежать после свадьбы? Мм... даже если будет очень трудно, почти невозможно — я попытаюсь это сделать! Даже если оглошу жениха сковородой в первую брачную ночь! А чего? Он все равно колдун — ничего с ним, кроме шишки на лбу, не будет!

— Ах ты зараза!!! — Тетя вышла следом — проводить, а заодно и убедиться, что я действительно уехала. Всплеснув ру-

ками, она сорвала с ноги поношенную тапку и пульнула ее куда-то за дом. — Васька! Какого... твоя кобыла пасется на моем огороде?

— Хм, мадам, прошу прощения, — вдруг из-за дома раздался мелодичный тенор, послышался цокот, и из-за угла вывернул Борька. — Но... я не кобыла! Я — жеребец, причем редкой породы!

Я вытаращила глаза, не в силах даже пошевелиться, зато тетя Мафа, кажется, держала ситуацию под контролем. Ничуть не удивляясь, она не торопясь отломала от ивы прут.

— Еще и болтанку чашелистную сожрал! А ну-ка... Пшел!

— Ваша агрессия, мон ами, исходит от одиночества, случайных половых связей и...

— Пшел, сказала! — Прут рассек воздух там, где только что умничал Борька.

Вовремя вспомнив мою дрессуру, коняга рухнул в траву, разбросав копыта в разные стороны, и пополз вперед, загребая ими, словно заправский пловец. Мафу такая гуттаперчевость озадачила больше его разговорных способностей. Она на несколько мгновений замерла, во все глаза наблюдая за тем, как рыжий вредитель непостижимым образом уползает из-под ее наказующей лозы, и, только когда он скрылся за камышами, беззлобно ругнулась:

— Ну чертяка! Да еще такой умный, аж тошно становится! А как он узнал, что у меня с полом в доме совсем плохо? Что и говорить, за столько лет доски-то поизносились.

— Меня больше волнует, как теперь заставить его замолчать? — отмерла я, выискивая взглядом притаившегося за камышами Борьку.

— Так прикажи заткнуться! — Лоза полетела в траву. Мафа развернулась и, прежде чем скрыться в доме, посоветовала: — Если ты так выдрессировала свою рыжую скотину, что он по земле как гусеница ползает, то заставить его замолчать, думаю, будет проще простого — вот только зачем? Кто еще тебе скажет правду-матку, не опасаясь твоего гнева и статуса, а? Принцесса?

Не отвечая, я вышла из-под стекающих зеленым водопадом веток ивы, покосилась на солнышко, неотвратимо спешащее к горизонту, и бросилась к Борьке. Увидев меня, он вскочил и в нетерпении запрядал ушами.

— Ну, говорящий ты мой, поехали домой, и побыстрее!

Всунув ногу в стремя, я взлетела в седло и едва успела вцепиться в поводья. Лошадка стартанула так, будто за нами несясь черт или как минимум мой будущий муж.

При воспоминании о жутком облике, привидевшемся мне в магическом шаре, у меня в животе зашевелился холодок.

Этого не может быть! Этого не может быть со мной!!!

— К слову сказать, хозяйка, на будущее. Если ты не будешь: колотить меня пятками в бок, стегать хлыстом и ерзать в седле так, будто собираешься пробежать стометровку на ягодицах, — я в свою очередь впредь обещаю не срываться с места в галоп. Если благодаря чудо-траве я теперь могу говорить — пожалуйста, научись со мной общаться! А то мне будет ску-у-учно!

Обалдеть! Не думала, что говорящий конь — это наказание господнее! Представляю, чего бы я наслушалась от дворцового кота, если бы еще и он наелся этой «чудо-травы»!

— Знаешь, — я все-таки ткнула пятками вредную животину, — если ты хочешь, чтобы мы были на равных, надо было и мне захватить пучок этой чудо-травки! Подождем до завтра? Если ее эффект пройдет, то мне и мучиться не надо будет — привыкать к тебе, такому умному!

— Умный — не синоним «вредный», а как мне показалось, ты сейчас сказала именно в таком подтексте! — снова выдал Борька заумную фразу, из которой я поняла только несколько слов и то, что какая-то «конина» меня назвала «дурой». Обратно!

Чтобы окончательно не сойти с ума и не закатить жеребцу скандал, я решила промолчать. Только покрепче стиснула зубы и даже прильнула к его шее, чтобы выдержать галоп.

К счастью, конь действительно оказался умный. Ответа не потребовал, скандалить не полез, и мы довольно быстро (к закату) оказались у загона, где меня и поджидал хмурый папа.

— Где тебя носило! — загремел его бас, едва мы въехали в ворота. — Что я тебе сказал? У тебя завтра свадьба, а ты ведешь себя, будто ничего не происходит! Тебя вон портниха весь день дожидается!

— Значит, дождалась. — Я легко спрыгнула на землю, хлопнула Борьку по крупу, позволяя конюху его увести, и запоздало испугалась: а ну как жеребец загнет чего-нибудь этакое? Папа его сразу же на живодерню отправит. Во-первых,

потому что решит, будто в него вселился бес, а во-вторых, потому что не захочет быть тупее лошади!

К счастью, это Борька и сам понимал. Беседу не завел, только хлестнул меня напоследок хвостом по руке и неспешно направился вслед за Парамоном в стойло.

Не дожидаясь мрачного отца, я бросилась через сад по мощенной булыжником дорожке, выбирая самый короткий путь во дворец. Взбежав по ступеням крыльца, я юркнула в приоткрытые двери и, привычно не обратив внимания на истуканов-стражников, устремилась по лестнице, серпантинном ухотившей вверх.

Вот и мой этаж. Закатные лучи солнца, пронзая узкие пыльные окошки, уже давно не скрывали облупившуюся позолоту на светильниках, пыль на некогда сияющих яркой краской ставенках. А вышарканная ковровая дорожка уже и не помнила свой изначальный цвет и узор. Что и говорить, дворец, как и все крохотное королевство батюшки, медленно, но верно приходил в упадок.

Распахнув тяжелую дверь моей светелки, я замерла на пороге, разглядывая снежно-белое кружевное платье, которое, словно ангел, парило под высоким потолком. Две дворцовые портнихи, вцепившись в него с двух сторон, будто боясь, что их творение сейчас улетит, таращились на меня, как на ожившего покойника. Наконец одна из них обрела дар речи и торопливо забормотала:

— Принцесса Василиса! Мы не хотели входить в ваши покои без вашего разрешения, но король повелел за день сшить свадебное платье, а вас не было...

— Поэтому мы сняли мерки с вашей одежды... — подхватила другая.

— Знаю-знаю! — Я шагнула в светелку и угрожающе хлопнула дверь. Вот, значит, как?! — Батюшка говорил, что вы придете. Ну сняли так сняли... Ради дела можно и в чужих вещах порыться... Я на вас не в обиде!

— Вы так добры, только...

— А как бы примерить платье, госпожа? — Портные почувствовали безнаказанность и решили брать быка за рога, но бык, то есть я, подставлять рога не пожелал.

Нет, не потому, что мой наряд мне не нравился! Платье было невероятным. Легким, кружевным, с обнаженными плечами и длинным шлейфом! Словом, если бы я выходила

замуж за любимого, лучше платья и представить было бы сложно, но радовать глаз мерзкому уроду, который, похоже, и сам не знает, чего хочет в этой жизни? Фигушки! Поэтому я с удовольствием продемонстрировала белошвейкам свой монарший характер.

— Никак! Я очень устала и хочу спать. А значит, сегодня ничего мерить не буду! — отрезала я и, не раздеваясь, плюхнулась на кровать. — Или вы не доверяете собственному профессионализму?

Каких слов понахватались! Не иначе от коняги!

Портники переглянулись, смерили меня взглядом оскорбленного достоинства и гордо упорхнули за дверь.

Платье осталось висеть посреди комнаты, прицепленное за свисавшую с потолка люстру. Мне вдруг так захотелось вышвырнуть его в распахнутое окно, но я понимала, что это ничего не даст. Платье — лишь попытка скрасить завтрашнее жертвоприношение со мной в главной роли.

Я устало закрыла глаза. Ничего не хочу. Только спать!

Но как назло, перед мысленным взором тотчас предстало лицо моего будущего мужа. Теперь он смотрел прямо на меня, так, словно видел. Будто передо мной по-прежнему находился магический шар Мафы, или я находилась в этом шаре...

Интересно, с чего отец решил, что Феникс — старый? Обезображенное, будто сожженное лицо без бровей скрывало его возраст словно маска. На лысом черепе ни единого волоска. Серебристые ясные глаза смотрят равнодушно и остро.

Вдруг он протянул ко мне руку, и я почувствовала жар там, где коснулись моей щеки его пальцы. Даже не пальцы, а... угольки?! И тут Феникс вспыхнул. Пламя метнулось ко мне, мгновенно опалив лицо адским жаром, делая меня такой же уродливой, как и он сам...

ГЛАВА 2

Распахнув глаза, я села на постели и долго пыталась отдышаться, приходя в себя от приснившегося кошмара. Господи, женишок мне лишь приснился, и я чуть богу душу не отдала, а

что будет, когда я его увижу? А если он вознамерится воспользоваться правом мужа?!

Ну спасибо, папочка! Ну угодил!

Господи, помоги!

Словно в ответ на эти мысли в дверь деликатно постучали. Не дожидаясь моего позволения, в светелку шагнул мрачный родитель.

— Вась... ты это... Там в часовне уже народ собрался. Я понимаю, что невесту надо ждать, и все такое... но ты бы поторопилась...

— А что? Так не терпится от меня избавиться? — Я поднялась и, бросив на папеньку полный обиды взгляд, подошла к окну.

Эх... а погода-то какая! Яркая лазурь майского неба такая синяя, словно бездонный океан перевернулся и повис над головой. И как на грех — ни облачка! Тетя Мафа всегда говорила — если чего не к добру, то и природа плачет вместе с тобой, а тут... Н-да... не все приметы сбываются... Ну скажите, что за счастье меня ждет вместе с... даже не знаю, с человеком ли? При мыслях о суженом настроение испортилось вконец.

— Феникс уже явился?

— Пока нет. Но думаю, он явится сразу же, как только придешь ты.

Я обернулась к топтавшемуся у меня за спиной папане.

— Бать, скажи, только честно, почему — он?

Отец резко поскукшел.

— Долгая эта история... Как-нибудь потом расскажу. — Отец замялся под моим пристальным взглядом, покусал усы и, не глядя мне в глаза, выдал: — Ну обещал я ему тебя, Вась! В долгу я перед ним... Он... он мне как-то жизнь спас!

Ах вот оно как! И ведь не знала бы — поверила!

Отец, посчитав объяснение исчерпывающим, принял меня уговаривать:

— Да ладно тебе, доча, с лица воду не пить... Мужчина он видный, известный, богатый. Ты давай одевайся, собирайся...

Тут дверь без стука отворилась, и в комнату впорхнули три служанки. Увидев короля, они поклонились и застыли на пороге, глаза на нас.

— Да поторопитесь! Ждем! — раздраженно смял монолог

папаня и, так и не дождавшись от меня ни звука, поспешно вышел.

Служанки плотно прикрыли за ним дверь и всерьез принялись исполнять королевскую волю. Привычно раздев, они поставили меня в корыто и принялись поливать теплой водой из кувшина, не забывая натирать ароматным мылом. Затем обмыли, вытерли, побрызгали душистой водой и натянули белоснежные панталоны, гольфы, юбки и корсет, а уж после на меня обрушилось все кружевное великолепие моего свадебного платья.

После мне долго выдирали волосы, пока не смастерили на голове что-то невообразимое, и наконец подтолкнули к зеркалу. Взглянув на свое отражение, я замерла. Неужели эта тоненькая красавица с ниспадающим водопадом светлых локонов, огромными синими глазами в обрамлении густых ресниц, с изящными темными бровями — я?

Моих обнаженных плеч коснулся прохладный ветерок, заставив поежиться. Что и говорить, декольте портниха, на мой вкус, сделала уж слишком глубоким! Надо было все же платье вчера померить. Эх, кого теперь винить?

Сдунув русский локон, строптиво выбившийся из великолепной прически, я прищурилась. Ничего! Еще посмотрим, кто кого! Я не я буду, если не оправдаю данное мне в народе прозвище Василисы Премудрой!

Мазать губы свекольным соком и подводить глаза шамаханской сурьмой я отказалась наотрез. Еще чего не хватало, так выживаться перед обгоревшем франтом! Только немного пощипала себя за щеки, потому что, по уверению моих «экспертов красоты», я выглядела как покойник, а покойников на свадьбах не очень-то любят...

Очень хотелось им ответить, что по сравнению с женихом я — эталон жизни и красоты, но промолчала. Все равно их на свадьбу не пустят, так зачем распалать любопытство и вызывать жалость?

Затем меня обули в удобные туфли-лодочки и, подхватив под руки, вытащили в коридор.

Потом была лестница. Холл. Площадь. Сад.

Когда мы подошли к часовне, дворцовые часы пробили полдень. Служанки остановились перед скрещенными пиками стражников, а я, в который раз пробормотав молитву, начала подниматься по белокаменным ступеням.

Точно знаю, что у дворцовой часовенки их ровно пять, но сейчас мне показалось, что их на сотню больше.

И все же вечно откладывать неизбежное нельзя...

Едва я появилась на пороге, как сразу все разговоры стихли. Гостей было мало. Несколько папашиных советников с женами да с пяток зажиточных горожан. Скорее всего, о моем бракосочетании среди простого люда решили не распространяться. Мало ли...

Я нашла взглядом отца. Мафани не было.

Что ж, неудивительно. Она терпеть не могла столичных вельмож.

Хотя и жалко... Я до последнего надеялась, что она придумает что-нибудь этакое...

Священнослужитель словно очнулся и срывающимся голосом затянул псалмы. Я глубоко вздохнула и, стараясь ни на кого не смотреть, решительно направилась к алтарю, кожей чувствуя направленные на меня взгляды гостей. Любопытные, скучающие, равнодушные.

Боже, зачем я здесь?

Вдруг сердце уколола обида. Как же все это неправильно — не познав любви, вот так живо себя похоронить! А что делать? Надо выручать папаню!

У алтаря я остановилась и вопросительно взглянула на священника.

Ну и где Феникс?

А вдруг жених сбежал? Вот было бы счастье!

Но, к сожалению, моим мечтам не суждено было сбыться. Я вздрогнула, услышав, как с грохотом захлопнулись двери часовни. По рядам зевак прошелестело «ох!», и у меня за спиной раздались приближающиеся тяжелые шаги. Затаив дыхание, я будто окаменела, не в силах обернуться. Колени противно задрожали, а когда я увидела тень гостя, коснувшуюся алтаря, и вовсе чуть не уселась наземь. С каждым шагом тень продолжала расти, пока не закрыла собой и алтарь и священника. Мне даже показалось, будто тень — живая!

Наконец мой жених приблизился, и шаги оборвались. Я бросила на него быстрый взгляд, борясь с разрывающим любопытством и обессиливающим ужасом, но ничего ужасного в высоком, с головы до ног закутанном в черный балахон мужчине не увидела. Лицо скрывала плотная ткань низко

надвинутого на глаза капюшона. Вот только я знала, КТО скрывается под ним.

— Горожане, мы собрались здесь... — стараясь не смотреть на нас, начал прерывающимся голосом священник, но Феникс его вежливо перебил:

— Давайте к завершению, отец. Все гости знают, зачем мы здесь собрались, так не будем тратить их драгоценное время.

Я с тревогой вслушалась в глухой, с легкой хрипотцой баритон. Ох как не похож он на старческое дребезжание!

Священник на миг задумался, бросил на него растерянный взгляд и, пожав плечами, выпалил:

— Согласны ли вы стать мужем и женой?

— Да. И закончим на этом, — снова ответил за нас обоих Феникс.

— Пусть и невеста скажет! — вдруг нахмурился священнослужитель.

— Пусть... — Мой жених шевельнулся.

Упрямо разглядывая пол, я почувствовала его полный нетерпения взгляд. Наступила гнетущая тишина.

В глазах вдруг потемнело, и отчего-то вспомнился сон. Я оперлась рукой на алтарь и едва слышно прошептала:

— Да!

Почти сразу же из-под свисавшей ткани черного балахона показалась молодая рука с длинными пальцами и тяжело легла на мою.

От неожиданности и волнения мне показалось, что его ладонь обжигающе горяча. Все вокруг предательски закружилось, и, не в силах противиться липкой, ватной темноте, я начала оседать на пол. Меня подхватили сильные руки жениха, точнее уже мужа, и, прежде чем я окончательно провалилась в беспмятство, передо мной возникли серебристые глаза из ожившего кошмара.

Щебетание птиц, бархатистое гудение шмелей и ветер...

Я улыбнулась. Причмокнула губами и зарылась носом в подушку. Ну и ужас же мне приснился... Значит, ничего не было? Я по-прежнему дома, и страшная свадьба всего лишь сон?

Расскажу папеньке, то-то повеселится. Или к Мафе отправит за разъяснениями.

Послышался тихий скрип двери, шаги. Кровать просела под тяжестью гостя.

А вот это уже не сон.

Ощущая пристальный взгляд, я сделала над собой усилие и вынырнула из пут дремоты. Приоткрыла глаза, ожидая увидеть папеньку, и вытаращилась на застывшую рядом со мной фигуру в черном балахоне. Окончательно проснувшись, я рывком села на постели, едва не запутавшись в свадебном платье. К счастью, жуткое лицо мужа по-прежнему скрывал низко надвинутый на глаза капюшон. Да и на меня он не смотрел, а разглядывал устланный циновкой пол.

Значит, свадьба — не кошмар, а реальность?! И я теперь собственность этого... этого... Я даже не знаю кого!

И интересно — где я?

Я окинула быстрым взглядом небольшую спальню. Белые стены, стол, стул и кровать — вот и вся обстановка... В распахнутые ставни вливается раскрашенное багрянцем закатное небо, и недвусмысленно уходит ввысь высоченная каменная стена.

Да-а-а, похоже, я еще и узница!

Путаясь в свадебном платье, я торопливо начала отползать к стене, подальше от моего дорогого супруга, но он словно не заметил моих маневров, продолжая все так же старательно разглядывать пол.

Наконец он заговорил:

— Благодарю, что оказала мне честь, став моей женой. Если честно, я не ожидал, что ты согласишься. Не всякая девушка рискнула бы выйти замуж... за такого, как я.

Почувствовав за спиной стену, я вжалась в нее и замерла, вслушиваясь в голос мужа. Если бы закрыть глаза и только слушать, я бы с легкостью смирилась со своей участью: бархатный, мягкий, с легкой волнующей хрипотцой... голос совершенно не вязался с его обезображенным лицом! И его нечеловеческими глазами... Сейчас он не смотрел на меня, но я помнила его изучающий взгляд.

— Такого, как ты? А какой ты? Кто ты? — выдохнула я и тут же испугалась своей смелости. Хотя... Ну не убьет же он меня? Хотел бы — давно бы это сделал, избежав церемонии бракосочетания!

— Я? — Казалось, он замешкался и взглянул на меня. Я сжалась, увидев его блестящие в тени капюшона глаза. — Колдун.

Чернокнижник. Но вообще... никакие аспекты магии мне не чужды. Однажды я даже практиковал некромантию. Еще вопросы?

— А зачем тебе я? — Колдун! Не было печали, но папенька когда-то спас непонятно кого и непонятно зачем, а я сейчас отдувайся!

— Если я скажу, что был очарован твоей красотой, следил, как ты расцветала, — согласишься? — Он откинул капюшон, обнажив совершенно лысую голову. Его серебряные глаза насмешливо прищурились. Вблизи они казались еще страшнее. Будто залитые ртутью бельма, но отсутствие зрачка не мешало ему видеть!

Помня наказ тетушки, я постаралась забыть, кто передо мной. Неважно, какие у него глаза! Сейчас самое время, чтобы договориться с ним о колечке и моей свободе. А самое главное — научиться его не бояться, иначе диалога не получится!

Набравшись смелости, я отлепилась от стены, удобно усеялась, по-шамахански скрестив ноги, и затараторила:

— Ну да... Рассказывай сказки! Очарован он был! Я все знаю! Ты пришел за кольцом, а я — твоя моральная компенсация! Только хочу сразу расставить все точки над «ё». Я тебя не люблю! Я не признаю брак по расчету и не вижу в наших отношениях будущего. Поэтому предлагаю сделку — я найду тебе кольцо, а ты дашь мне развод и навсегда отстанешь от моего отца и от меня!

— Хм... Заманчивое предложение. — Он продолжал бурлить меня взглядом. — Вопрос только в том — *как* ты найдешь мое кольцо? Даже твой отец не знает, где оно.

— Мафания сказала, что лекарь, который его увез, живет в соседнем царстве. В городе Болотная Гать. Э-э-э... — Пришедшая вдруг мысль заставила меня замолчать. Зачем я все это ему рассказываю? Не хватало только, чтобы муженек сам отправился на его поиски!

Но Феникс ни словом, ни жестом не показал, что его заинтересовало сказанное мной. Он продолжал сверлить меня задумчивым взглядом, а его тонкие губы чему-то улыбались. Вдруг он поднялся и, не прощаясь, направился к двери.

— Эй! — Я вскочила следом и бросилась за ним. — Так что ты решил?

У самой двери он внезапно развернулся, так что я, не успев

остановиться, налетела на него и оказалась в его объятиях. Увидев близко его жуткие серебристые глаза, я с силой зажмурилась и даже задержала дыхание, боясь пошевелиться.

— А решу я вот что. — Жар его тела, на мгновение опаливший меня, отступил. — Я не хочу принимать твои условия! Кольцо я найду сам, а ты с этого самого дня и навсегда останешься моей пленницей и... женой. Я тоже не поклонник фиктивных браков!

Послышался стук двери.

Я обреченно вздохнула и открыла глаза. Поздравляю! Мои самые жуткие опасения сбылись. Феникс ушел. Я умудрилась все испортить и напоследок разозлила того, от кого зависит моя жизнь. Моя свобода!

Но... я ничего не могла с собой поделать — его ужасный облик меня страшил!

А может, еще не все потеряно?

В надежде исправить ошибку я бросилась к двери, но она распахнулась сама, и в комнату шагнула мрачная, высокая и худощавая женщина неопределенного возраста.

— Госпожа? — Ее голос с аглицким акцентом был резок и как нельзя кстати подходил к ее облику. — Позвольте представиться. Я — домоправительница господина Феникса, а также, к несчастью, ваша помощница и тюремщица на время отсутствия вашего мужа. Мое имя Евлампия Ферапонтowna. Но можно просто Лампа.

— Э-э-э... — Я замялась. Неожиданное имя для заграничной стервы... — Лампа? А... где мои вещи? Со мной были сундуки или что-нибудь еще, когда я сюда попала?

Домоправительница смерила меня презрительным взглядом и с легкой ухмылкой процедила:

— А... Наверное, ты говоришь о том барахле, что господин Феникс приказал сжечь?

У меня перехватило дыхание.

— Мои вещи? Сжечь?

— Да. Он сказал, что у него есть лучшая огранка для его бриллианта. Видимо, это он о тебе?

Бриллианта? Значит, мое предложение с кольцом изначально не имело смысла? Он не собирался торговаться со мной, потому что считает, что... я — его бриллиант?!

Я едва не застонала. Боги, чем же я ему так приглянулась?

— Пожалуйста, Пимпа...

— Лампа, — тут же чопорно поправила она. Если честно, больше всего эта женщина мне напоминала вяленую рыбу: сухую, жесткую и колючую.

— А... ну да. — Я набрала в грудь побольше воздуха и выпалила: — Отведите меня к моим вещам. Там есть подарки господина Феникса, а сами понимаете — если они сгорят по вашей вине и халатности, то вас накажут, использовав в качестве полена для растопки! Чем, между нами, вы и являетесь! — Эх, не люблю быть хамкой, но в этом случае терять все равно нечего, а лишиться маминой броши и зеркала Мафы я не могла!

Ничего не ответив, Евлампия развернулась и вышла в коридор, оставив дверь открытой. Значит ли это, что я должна отправиться за ней?

Не раздумывая больше ни мгновения, я бросилась следом и оказалась на увитой виноградом террасе. Закатное солнце раскрасило красным золотом янтарные досточки стен. В углу притулились два деревянных резных кресла и дубовый стол. Сразу за террасой раскинулся богатый сад, за которым, как вечное напоминание о том, что я в плену, высилась каменная стена.

Батюшки, да где же мы? Не скажу, что я все знаю в моем королевстве, но такую стену точно бы заметила! Значит, дом Феникса в другом королевстве? Знать бы еще в каком?

Я догнала служанку и тронула ее за рукав.

— Пифа... Э-э-э... а мы где? — Не скажу, что мне было принципиально дразнить эту гримзу, но хоть какое-то развлечение...

Она дернулась словно от пощечины и остановилась, разглядывая меня прозрачными льдинками выцветших глаз.

— Во-первых! Я — Лампа! А если вам трудно запомнить это сокращение, называйте меня полным именем. Евлампия Ферапонтовна! — перешла на «вы» эта особа. Явно чтобы подчеркнуть бездну, разделяющую нас.

— Без проблем. — Один черт не запомню, так чего спорить? — А во-вторых?

— А во-вторых, отвечая на ваш вопрос — это личные земли господина Феникса, и, если вы не знаете их географическое расположение, могу только посочувствовать. Вашему супругу!

Гримза развернулась и, печатая шаг, вышла в сад.

Ах так! Ну ладно.

— Лимантия Фепаронтовна, а вопрос можно? А мой супруг — он кто? — Я догнала тихо звереющую домоправительницу. — Ну... то, что он — страшный лысый дядька с серебристыми глазами, я уже поняла. А кто он по жизни? Можно узнать, к примеру, характер, предпочтения, политические взгляды?

— Во-первых. Мое имя — Евлампия Ферапонтовна!!! — Щек домоправительницы коснулась нездоровая бледность. — Во-вторых, господин Феникс — великий маг, а о магах так говорить нельзя, если не хочешь стать предметом обстановки или одним из таких цветков в великолепнейшем саду нашего повелителя! — Она выразительно повела рукой, указывая на роскошные клумбы, разбитые по обе стороны мощенной белыми камнями дорожки. Дальше ровным строем стояли всевозможные фруктовые деревья, но даже они не могли скрыть от моего взгляда мрачную высоченную стену. Интересно, какой баобаб стал жертвой этого «великого и ужасного» в сотворении этой громадины? — Впрочем, последнее вас не касается. Говорите все, что пожелаете, а я с удовольствием передам ваши слова господину, когда он вернется! Вдруг он одумается и избавит меня от вашего присутствия?

Угу... Помечтай!

Проигнорировав ее нахальное заявление, я сочувствующе заглянула в лицо Лампы, и меня понесло...

— Кстати, а вы... когда умерли?

— Я — что?

— Ну умерли, говорю, когда? Господин Феникс признался, что он еще и некромант, а если судить по вашей безумной преданности хозяину и отсутствию каких бы то ни было эмоций, я позволила себе предположить что вы — зомби!

Домоправительница захрипела так, что я подумала, уж не начался ли у нее приступ астмы, но... радовалась я недолго.

Видимо решив не связываться со мной, она припустила по дорожке так, что я едва за ней поспевала. Наконец она свернула к какой-то неприметной постройке и, ткнув пальцем в знакомые цветастые сундуки, небрежно сваленные под навесом, заявила:

— Вот ваше барахло! Берите что желаете, и вернемся в дом. Скоро стемнеет. А знаете, какое самое главное правило этого дома? Во всем выполнять волю хозяина и...

— Привет, хозяйка! — Борька щекотно фыркнул мне в ухо. — Здорово я ее пуганул?

— Здорово-то здорово! — Я погладила его бархатный нос. — Только как ты тут оказался?

— Элементарно! После вашей скоропостижной свадьбы твой новоиспеченный супруг наколдовал странную вертящуюся воронку, и в нее начали скидывать все эти сундуки. Я заподозрил неладное. А уж когда и он сам, с тобой на руках, шагнул в эту воронку, тут я и не выдержал! Точнее, Парамон. Как врежет мне по задку хворостиной, ну я его лягнул с двух копыт и с места в галоп. Сам не заметил, как в эту воронку влетел. Очутился в этом саду. Конец истории.

— Эх, Борь... лучше бы ты дома оставался. Не нравится мне тут... И сбежать не сбежишь. А еще я потеряла зеркальце, что мне Мафа дала...

Отстранившись от жеребца, я направилась к последнему сундуку, уже и не надеясь, что там найду пропажу. Следом раздалось цоканье.

— Алле, хозяйка. Честно, не мое, конечно, дело, но если не нравится — кто заставляет? Давай сбежим?

— Как?! — Я взглянула на него мученическим взглядом и указала на стену. — Видишь? Через такой забор только перелететь!

— Да он невысокий! Я такие на раз беру! Ну... если боишься, тогда можно перегрызть пару досточек? — Борька для убедительности подошел поближе и продемонстрировал мне зубы. — На веревках уже натренировался, могу что угодно попортить, только если не торопясь. Что-то не хочется в мои юные года с протезами ходить. Дамы засмеют!

— Какие досточки, какие дамы?! — Совсем у коняги крыша поехала! И вспомнила: — Тебя вроде обещали на живодерню спровадить, а ты о какой-то ерунде говоришь!

Борька в нетерпении переступил с ноги на ногу и заторопил:

— А я о чем? Пошли быстрее!

— Сейчас! — Я все-таки открыла сундук.

Нет. Удача сегодня не на моей стороне. Только какие-то шелка и бархат. Зачем мне все это? Тут! Даже и выйти никуда.

— Пошли, кому сказал! — Борька нетерпеливо вцепился мне в платье зубами чуть пониже талии и потянул, вытаски-

вая меня на дорожку, а после с готовностью подставил спину. — Забирайся в седло!

— Как? — Я развела руками, демонстрируя уже изрядно пожухлое, но все еще пышное свадебное платье. — Я же в нем как в гипсе!

— А переодеться? — Борька мотнул башкой, указывая на выпотрошенные сундуки.

Я задумчиво почесала висок. А ведь точно! Видела в одном из них брючные костюмы для конных прогулок...

Едва не чмокнув Борьку в черный нос, я снова бросилась к сундукам и принялась за поиски. Да где же они?

Наконец под горой тряпок пальцы нащупали гладкую кожу брюк для верховой езды. Брючные костюмы? Один за другим я вытянула на свет из недр сундука то, что искала: кожаные штаны, короткие сапоги, кожаный жилет и темно-серая рубашка. То, что надо!

Вдруг неподалеку раздались возмущенные голоса. Кажется, Лампа собрала подмогу для разборки с говорящим жеребцом, и Борька вот-вот лишится рыжей шкурки!

Цапнув вещи в охапку я развернулась, чтобы броситься к коняге, но... того уже и след простыл!

Вот гаденыш! Бросил меня одну?!

Крики приближались. Не придумав ничего умнее, я скользнула тенью за сарай и едва не застонала, сообразив, что вляпалась в кусты шиповника.

Ну и пусть! Не бегом, так ползком!

Хоть как-нибудь!

Только бы меня не нашли!

Неожиданно царапающие, старающиеся удержать ветви расступились. Я выползла напрямик к стене и поднялась, разглядывая это монументальное строение. Черно-серый камень. Высота такая, что шапка падает!

Стараясь не обращать внимания на вопли, что время от времени издавала Лимпопона Феодосиевна (пытка для врагов, а не имечко!), я принялась стягивать с себя платье. Дело шло медленно. Какой дурак придумал все эти завязочки и бантики? Но когда настала очередь корсета, то и вовсе чуть не взвыла.

Шнуровка!

Где же ходит Борька?

Ох, он бы мне сейчас помог своими хваленными зубками...

Я снова покосилась на стену с ее острыми уступами и решилась. Не развяжу, так, может, повезет перетереть? Подошла ближе, облюбовала острый выступ и развернулась к нему спиной, ожидая, что в спину упрется холодный камень, но... случилось странное. Вместо холодного камня я ощутила спиной нечто деревянное и шершавое.

Озадаченно поморгав, я развернулась и думать забыла о «юных следопытах», что сейчас прочесывали сад в поисках нас. Стены — не было! Точнее, был деревянный забор. Не очень высокий. В полтора моих роста. Я во дворце у батюшки такой брала с разбегу, когда нужно было незаметно сбежать на рыбалку с сыном конюха.

В довольно широкую щель между досками я увидела лес и... пасущегося неподалеку Борьку!

Но как?..

Тут мне вспомнилось его предложение перегрызть... ДОСТОЧКИ!!! Неужели он не видел стены? Тогда понятно его нетерпение! Конечно! Что ему такой заборчик перемахнуть? Две секунды!

Ну Люминесценция Фосфоридзе! Ну зараза! Или за иллюзию крепостной стены нужно благодарить моего новоявленного муженька?

Быстро натянув штаны, я застегнула ремень и заправила жесткие штанины в сапоги, надела рубашку с жилетом прямо на корсет и, подпрыгнув, принялась подтягиваться. Но в это самое время удача решила, что с нее хватит, и повернулась ко мне своей «задней частью спины». Раздалось басовитое: «Эй, куда?!», и мне в сапог вцепились чьи-то пальцы. Не в силах отказаться от такой близкой свободы, я озверело принялась лягаться и размахивать свободной ногой, стараясь попасть преследователю хоть куда-нибудь, но лучше по носу. Наконец мне повезло. Удерживающие руки вдруг разжались, слышалась отборная ругань, а я, перевалившись через забор, грохнулась в траву.

— Немедленно за ней! Если вы ее упустите, хозяин вам головы снимет! — раздался совсем рядом пронзительный вопль домоправительницы, и топот, похожий на топот стада, начал удаляться.

— Вставай, чего разлеглась! — Ко мне уже скакал Борька. — Садовая калитка тут всего метрах в пятидесяти!

Хороший аргумент. Не замечая ноющего бока, я торопли-

во вскочила, подпустила ближе скачущего во весь опор жеребца, вцепилась в поводья и одним прыжком взлетела в седло. Этому трюку год назад меня выучил сам Парамон. Когда-то он был знатным наездником.

Борька всхрипнул и недовольно бросил:

— Чего ты так долго? Я уже ждать устал. Полполянки выполел.

— Долго? — Я не удержалась и вцепилась коняге в ухо. — Да благодаря тебе я вообще чуть там навсегда не осталась!

— Эй, что за инсинуации! — Освобождаясь, тот тряхнул головой так, что я чуть не сверзилась наземь. — Может быть, ты от мужа уходить не хочешь? Так я же не против! Каждый кузнец своего счастья...

— При чем тут муж?! — вспыхнула я. Болтология хоть и недолгая, но самая сильная черта моего «перевозочного средства»! — Я спрашиваю, как ты узнал, что вместо высоченной каменной стены — деревянный забор?

— Какой стены? — Борька даже притормозил и попытался скосить глаза, норовя меня разглядеть.

Позади уже слышались крики и лай. Я оглянулась. За нами мчались человек десять на лошадях и еще столько же с идущими по нашему следу собаками. Довольно близко! Может, оторвемся? Нет, не так! Должны оторваться!

— Прямо смотри! — Зло дернув поводья, я пришпорила пятками беднягу.

Борька возмущенно заржал и вновь перешел на галоп.

Вскоре мы влетели в лес. Редкий молодняк опушки сменил мрачный вечерний лес. Лучи закатного солнца почти не достигали земли и гасли, путаясь в чуть шумящих верхушках деревьев. Под копытами Борьки зашелестела прелая листва. Заплелся колючей проволокой малинник, как нарочно путая ноги жеребца. Но вот что странно! Погоня, которая, казалось, вот-вот настигнет, отчего-то не спешила нас поймать. Голоса по-прежнему раздавались где-то позади и даже как-то стихли, словно боясь встревожить вековечную тишину.

Впереди пахнуло водой. Значит, там или река, или озеро! Можно сбить со следа!

— Так что там за проблема была с забором? — вспомнил Борька, а может, решил отвлечь себя и меня от погони.

— Проблема в том, что вместо забора я с самого начала

увидела огромную стену! Иллюзия, чтобы у меня даже мысли не возникло, что можно сбежать! — Я печально усмехнулась.

— Ничего себе! Не знал! — Борька насторожился, одним прыжком перемахнул через поваленное дерево и прибавил ходу. — Хозяйка, ты пока помолчи, перевари случившееся, а я попытаюсь нас спасти!

Я вцепилась в поводья и пригнулась, спасаясь от засвисевших над головой веток. Вот было бы весело, на радость Лампе, котенком повиснуть на ветке!

Вскоре впереди действительно блеснула лента реки.

Коняга вбежал в реку, подняв водопад брызг, зашел в воду по самую шейку и поплыл, но не в сторону манившего в сгущавшихся сумерках соседнего берега, а вниз по течению, где шагах в пятнадцати от нас, покачиваясь на воде, медленно дрейфовала здоровенная куча тальника. Держась одной рукой за седло, я скользнула в реку и поплыла рядом, наслаждаясь на удивление теплой водой. Поравнявшись с кучей тальника, Борька обогнул ее так, чтобы нас не заметили с берега преследователи. Дотянувшись до первых веток, он сначала вцепился в них зубами, а затем, подплыв ближе, зацепился копытами. Не отпуская луку седла, я тоже ухватила за гладкую талину и отдалась на милость течения, позволив себе хоть немного отдохнуть.

Я слышала, как на берегу обиженно заскулили собаки, потеряв наш след, как раздались злые голоса и гребки. Наверняка преследователи решили, что мы выбрали самый простой способ для побега и, переплыв реку, скрылись в зарослях другого берега. Что ж, пока они будут нас там искать, течение отнесет тальник так далеко, что мы сможем оторваться от погони.

Не знаю, сколько мы так дрейфовали, держась за толстые ветки, лежавшие в основании этого естественного плота. Наконец река начала расширяться. Убыстрилось течение, да и сама вода стала холоднее.

— Борь! — Я тронула жеребца за ухо. — Вроде далеко уплыли. Давай на берег выбираться?

— А на какой? На тот или на этот? — Конь покрутил головой.

Хм, вопрос, конечно, интересный!

— Нам в Берендеево царство надо! В Болотную Гать.

— Как будто я знаю, где такое есть! Ладно, поплыли на

авось! — фыркнула зверюга, мощно оттолкнулась от плота и, утянув меня за собой, поплыла к видневшейся неподалеку песчаной косе, бурча под нос: — Я ж с детства из нашего королевства ни разу не выбирался! И вообще, кто у нас принцесса?

Эх, если бы я могла сказать: «Ты!» и этим решить все проблемы!

Вскоре мы уже выбирались на берег. Мягкий песок, еще хранивший тепло ушедшего дня, так и манил лечь поудобнее и не вставать до утра. Но я не могла себе позволить так рисковать даже сейчас! Да — ушли от погони, возможно, далеко, но я знала, что Люстра Филаретовна в лепешку расшибется, а постарается найти сбежавшую пленницу.

Заставив себя подняться, я обняла жеребца за шею, и мы зашагали вперед, оставляя на песке вереницу мокрых следов. За время нашего плавания мое белье промокло до нитки и противно липло к телу, а кожаный костюм весил как хороший доспех! Наконец песок остался позади, и я запрыгнула в седло. Эх, как бы я хотела сейчас высохнуть и выспаться! А еще поесть. Я уже даже забыла, когда в последний раз ела!

В подтверждение мыслей желудок болезненно сжался. Я только вздохнула. Стиснула поводья и по привычке уже хотела было пришпорить Борьку пятками, но не сделала этого, а просто попросила:

— Борь, давай выбираться отсюда!

— Куда? — Он переступил с ноги на ногу, деловито разглядывая подступающие к нам деревья. — Кругом лес.

— Не такой уж и лес. Скорее роща. — Я попыталась его приободрить. — Просвет видишь?

Он честно помотал головой, но все-таки направился куда-то в глубь стоявших стеной деревьев. Эх, надеюсь, нам повезет не наткнуться на хищников! У меня ведь даже оружия нет!

Но к счастью для нас, вскоре лес и вправду поредел и неожиданно закончился, оказавшись широкой полоской деревьев, идущей вдоль берега. Мы вышли на пыльную дорогу, что отделяла рощу от бескрайнего поля сочной травы. Но даже не это меня обрадовало больше всего на свете — где-то впереди, среди порядком сгустившихся сумерек теплой крошечной звездочкой горел огонек!

Я нетерпеливо тронула узду:

— Борь, держи курс на костер!

— С ума сошла, хозяйка? — испуганно прынул ушами же-ребец. — Какой костер? А вдруг там опасно?

Ну опасно... и что теперь? Жить, как выяснилось, тоже опасно, но лошадку свою паникерскую надо бы успокоить... Поэтому я равнодушно хмыкнула и беспечно бросила:

— Ну и чего ты испугался? Наверняка там такие же путники, как и мы.

— Но погоня...

— Я думаю, мы оторвались! — с нажимом заявила я. Не надо меня пугать, и так дальше некуда! В любом случае: пан или пропал! — Даже если слуги муженька сообразят, куда мы делись, я успею обсохнуть и, может, даже чем-нибудь перекушу!

— А ты перекуси травкой! Глянь, какая сочная! А одежда сама высохнет! К утру... — Борька, словно в подтверждение своих слов, нагнулся и принялся сосредоточенно щипать травку. Не ожидая такого предательства, я чуть не скатилась на землю, вовремя повиснув у него на шее.

— Какая трава?! — В отместку я хлестнула его ладонью. — Ну-ка, выпрямляйся и вези меня к костру! Быстро! Я замерзла и хочу есть!

— Как по мне, так я бы объехал этот костер по самой дальней дороге, но... хозяин — дурень! То есть — барин! — проворчал Борька и не спеша потрусил к огоньку.

Я не стала спорить. Может, и дурень — но кто не рискует, тот ходит мокрым и голодным! Главное, не показать свой страх и то, как сердце сжимается от нехорошего предчувствия.

Но все сомнения быстро развеялись, когда я увидела сидевшую у костра одинокую фигуру. И чем ближе мы подъезжали, тем спокойнее на душе мне становилось.

Путник, одетый в темный дорожный плащ, оказался молодым, симпатичным парнем. Отблески пламени играли в его коротких темно-русых волосах, делая их почти рыжими. Он, видимо, давно приметил гостью и теперь сидел, поглядывая на меня, но не забывая при этом что-то помешивать в котелке.

Остановив Борьку в нескольких шагах от костра, я спешила:

— Хлеб да соль!

— Да нет... скорее картошка и вода... — Он демонстративно помешал варево. Ночной ветерок с готовностью подхватил аромат еды и не хуже заправского вояки ткнул мне в нос так, что закружилась голова. — Присоединяйся.

Я торопливо подошла к костру, но все-таки дворцовый этикет, с рождения вбитый мне в голову, поспешил возразить парню раньше, чем мой голод ответит ему «да!».

— Нет, что вы! Не хочу быть вам обузой! Я только погреюсь, если можно...

Парень недоуменно оглянулся и снова взглянул на меня.

— Кому это «вам»? Я вроде один... — Он вдруг улыбнулся, и на его щеках, скрытых недельной щетиной, появились милые ямочки, так не вязавшиеся с его суровым обликом.

— Ну... — Я невольно заулыбалась ему в ответ. — Тебе.

— А! Ты из этих... из породистых, что ли? — Спрятав улыбку, он прищурился и смерил меня таким пытливым взглядом, что я даже смущенно слотнула.

— Что, прости? — Какие светлые у него глаза!

— Из благородных, говорю?

— Вообще-то... э-мм... вообще-то я... — И тут Борька толкнул меня в спину носом, да так, что я чуть не рухнула в костер. Как вовремя! Я едва не ляпнула, что я дочь короля Еремея! Вот дура-то! — Моя семья из разорившихся дворян.

— О как. Ну... садись, коль не шутишь. — Он глазами указал на место у костра.

Что ж, сама пришла. Чего теперь стесняться?

Я уселась напротив парня:

— Спасибо.

— Да пока не за что! — Тот повел широкими плечами. — Есть хочешь?

— Очень! — кивнула я. — Со вчерашнего дня во рту маковой росинки не было.

— Нет, маковыми росинками питаться — не дело. — Губ парня снова коснулась задорная улыбка, и милые ямочки вновь преобразили его суровое лицо. — Картошка всяко лучше. И... с утра голова не болит. — Он изучил мое озадаченное лицо и, помрачнев, перевел: — Говорю, если хочешь есть — ешь. Ложку дать?

Ложку? Незнакомого парня?

Нет, как бы мне ни хотелось есть...

Я снова слотнула и тоскливо качнула головой.